

Л. Т. Яблонский

К ЭТНОГЕНЕЗУ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ТУРКМЕНИИ

[могильник раннесакского времени Сакар-чага 3]

В 1982—1983 гг. один из отрядов Хорезмской экспедиции проводил исследования курганных могильников на останцовой возвышенности Сакар-чага (Куюсай-гыр), расположенной в древней Присарыкамышской дельте левобережья Амударьи, в пустынных ныне районах современной Ташаузской области Туркменской ССР¹. Изучены четыре курганные группы — Сакар-чага 3—6, относящиеся к эпохе раннего железного века. Они удалены друг от друга на расстояние не более 1 км. Курганная группа Сакар-чага 3 вытянута в меридиональном направлении и состоит из восьми насыпей.

Погребальный обряд

Самая большая насыпь — курган 8 (диаметр 55 м, высота над уровнем современной дневной поверхности — 3,5 м) сооружена на песчаном бархане (его площадь 32×21 м). На предварительно выровненной поверхности бархана был насыпан кольцевой вал. В его юго-западной части пробит входной проем шириной около 4 м. Стенки вала с внутренней стороны были вертикально подрезаны. В ходе строительства нижнюю часть вала, состоящую из слоев супеси и измельченного известняка, укрепляли комьями протакыренного суглинка. Такие же комья закладывались и в толщу самой насыпи. Внутри вала на открытой площадке (диаметр 17 м) была вырыта могильная яма подошвообразной в плане формы со входом-дромосом, ориентированным на юг. Длина ямы, вытянутой в меридиональном направлении, — 11 м, наибольшая ширина превышает 3 м. Яма заглублена в пласт материкового известняка, подстилающего бархан, на 50 см (общая ее глубина от поверхности бархана — около 1 м). Могила вырыта с таким расчетом, чтобы начало входа-дромоса было в центре площадки, а погребальная камера — на ее краю, под северной внутренней стенкой вала. Над ямой сооружена центральная насыпь. Наиболее высокая ее точка расположена над дромосом. Стратиграфия насыпи свидетельствует о том, что курган возводился в течение длительного времени. Рва вокруг сооружения не было. Насыпь нигде не потревожена более поздними раскопками, но никаких следов погребения в могильной яме не найдено. По-видимому, курган является кенотафом.

Курган 8 напоминает увеличенную во много раз модель остальных курганов группы, диаметр насыпей которых варьирует в пределах от 15 до 23 м. Однако в остальных курганах обнаружены погребения, совершенные на древнем горизонте. Курган 8 — крайний в группе Сакар-чага и как бы открывает ее.

В могильнике Сакар-чага 3 встречены два вида погребений: коллективные трупосожжения (три случая) и трупоположения (два коллективных и одно одиночное), все на древнем горизонте. Трупосожжения проводились на месте, внутри площадки. Насыпь кургана возводили над непогасшим еще погребальным костром — нижние слои ее прокалены. В двух случаях в насыпи курганов с трупосожжениями зафиксированы вымостки из обломков известняковых плит — возможно, остатки надмогильных сооружений, просевших со временем в насыпь.

Инвентарь группы курганов с трупосожжениями включает два каменных терочника овальной и подпрямоугольной формы, обломок небольшой каменной чашечки, первоначально предназначавшейся для растирания красок и вторично использованной в качестве терочника, каменный оселок и керамический красноглиняный бокал. Последний изготовлен на

¹ Яблонский Л. Т. Раскопки курганов в Северной Туркмении. — В кн.: Археологические открытия (далее — АО) 1982 года. М.: Наука, 1984; *его же*. Раскопки курганов в Северной Туркмении. — АО 1983 г. М.: Наука, 1985.

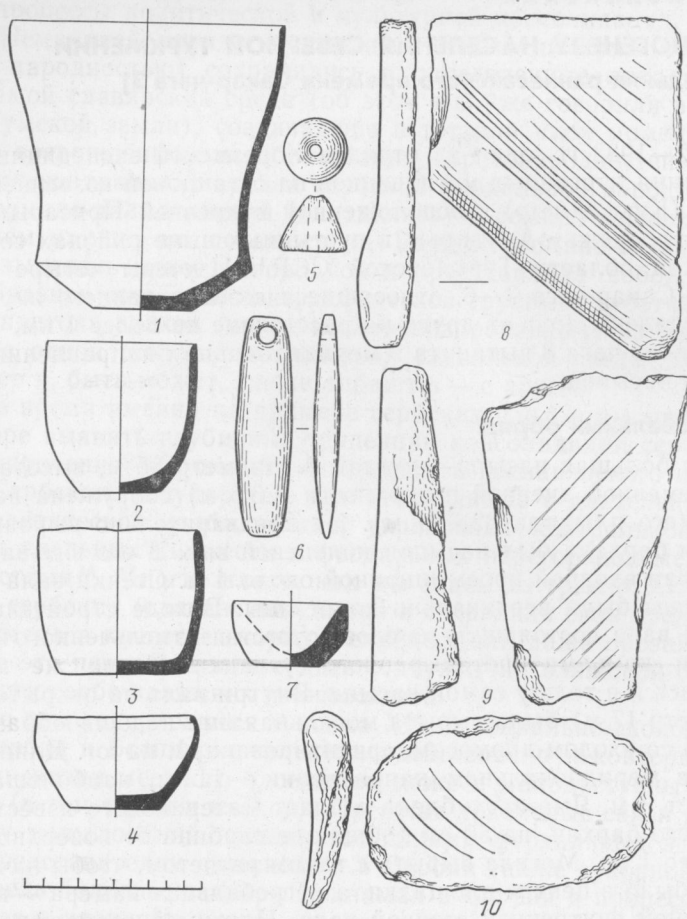

Рис. 1. Сопровождающий инвентарь из могильника Сакар-чага 3: 1 — гончарный кубок (курган 3); 2 — лепная чашка (курган 7); 3 — лепной сосуд (курган 7); 4 — лепная курильница (курган 4); 5 — глиняное пряслице (курган 2); 6 — каменный оселок (курган 3); 7 — каменная чашечка (курган 2); 8—10 — каменные зернотерки (курганы 1, 2)

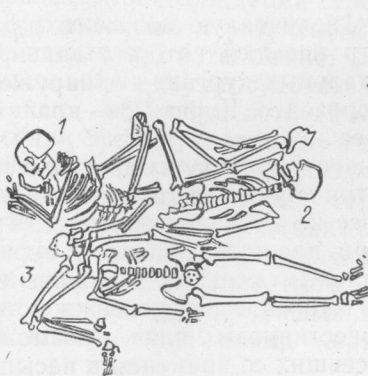

Рис. 2. Курган 4. План погребения

гончарном круге, хорошо обожжен и покрыт зеленоватым ангобом; в нижней части сосуда — характерный подкос (рис. 1, 1).

В трех курганах, как уже говорилось, обнаружены труположения. В кургане 4 захоронены четыре человека (рис. 2). Нижняя часть скелета 4 потревожена при последующих захоронениях. Стратиграфия насыпи кургана и особенно взаиморасположение костяков свидетельствуют о неодновременности захоронений. Первоначально, по-видимому, было

совершенно парное погребение (скелеты 3 и 4). Костяки лежат на поверхности древнего горизонта, вплотную друг к другу, вытянуто, на спине, головой на восток. Стратиграфически погребениям соответствует небольшая кольцевая насыпь из измельченного известняка. Скелеты 1 и 2 обнаружены в толще насыпи и перекрывают кости скелетов 3 и 4. Они уложены на бок, в полускорченном положении; один ориентирован головой на юг, второй — на запад. Этим относительно поздним погребениям соответствует вторичная насыпь с каменистым валом большего диаметра.

В насыпи кургана 4 найдены глиняное пряслице усеченно-конической формы, фрагмент донца лепного сосуда; рядом с правой голенью скелета 3 — лепная чашечка-курильница, сероглиняная, плохого обжига, с закопченной поверхностью, а у левой кисти — костяное навершие от несохранившегося, по-видимому, деревянного, предмета; вблизи коленных суставов скелета 2 — зернотерка неправильной подпрямоугольной формы.

Еще одно коллективное погребение на древнем горизонте зафиксировано под насыпью кургана 7. Здесь расчищены остатки двух человеческих скелетов. Анатомический порядок костей нарушен, от черепа скелета 2 сохранилась лишь нижняя челюсть. Общее направление развала костей: запад — восток. Отдельные позвонки и ребра костяков лежат в анатомическом порядке; это может свидетельствовать о том, что погребение было нарушено вскоре после сооружения кургана.

К западу от скопления костей обнаружены два лепных сосуда. Один из них баночной формы, с закопченной поверхностью. Другой почти аналогичен первому, но отличается слегка зауженным венчиком, чем напоминает лепные закрытые чаши райнекуясайских памятников (см. рис. 1, 2, 3). Среди человеческих костей найдены чешуя и кости крупной рыбы, бабка и копыто небольшого непарнокопытного животного.

Под насыпью кургана 5 расчищены плохо сохранившиеся остатки одиночного труположения. Оно совершенно на поверхности предварительно разровненного песчаного бархана, на тонкой суглинистой прослойке. Погребенный лежал на спине, головой на запад, с небольшим отклонением к югу. Сопровождающего инвентаря нет.

Вопросы хронологии

Для датировки памятника большое значение имеет сосуд с подкосом (рис. 1, 1), который находит прямые аналогии в керамическом комплексе Яз-депе II (Южная Туркмения). Там подобная керамика стратиграфически датируется VII—V вв. до н. э.²

Уникально и очень выразительно по стилю костяное навершие (высота 43—44 мм). По форме оно напоминает цилиндр (рис. 3). Эпифиз трубчатой кости дикого животного срезан, из нее удалено губчатое вещество, оставлена лишь часть его ближе к эпифизарному концу. Таким образом, образовалась втулка диаметром 15 мм, в которую вставлялся какой-то, скорее всего деревянный, предмет (жезл?). Вещь функционально должна была служить навершием. Поверхность цилиндра была тщательно отшлифована, а затем на ней были выгравированы два изображения животных, обращенных мордами друг к другу.

Левое изображение — контурное, прорезанное четкими и точными линиями, правое — только намечено заостренным предметом, возможно, иглой. При внимательном рассмотрении оказывается, что композиция состоит из двух фигур кабанов, расположенных симметрично, как бы в зеркальном противопоставлении. Они соприкасаются лишь в одной точке — остриями ушей. Реалистично показаны основные отличительные признаки кабана. Животное находится в характерной и естественной именно для него позе: морда опущена так, что притупленная ее часть почти касается воображаемой поверхности земли. Все тело наклонено вперед с явно выраженным упором на передние конечности, гораздо бо-

² Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. — В кн.: Материалы и исследования по археологии СССР (далее — МИА), № 73, М.: Изд-во АН СССР, 1959.

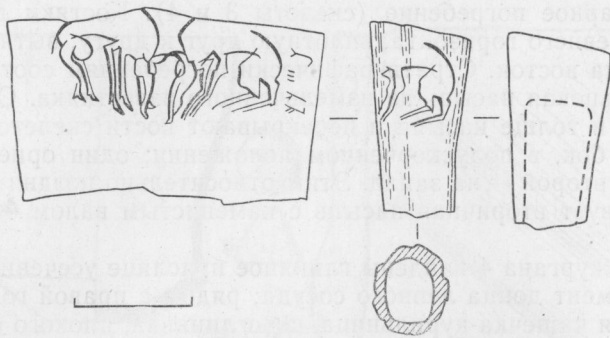

Рис. 3. Костяное навершие из кургана 4. Прорисовка изображений на навершии и общий его вид

лее тонкие, чем задние — могучие, с хорошо подчеркнутыми бедренными частями. Передняя половина туловища значительно мощнее задней, завершающейся коротким опущенным хвостом. Шея практически отсутствует, туловище непосредственно переходит в голову. Линия верхней части спины срезана, но все же зрительно реконструируется мощный загривок. Голова небольшая, с вытянутым, притупленным на конце рылом. Хорошо различимы глаз подтреугольной формы и овальное ухо.

Композиция осталась незавершенной. Задняя часть правой фигуры, как отмечалось, лишь намечена мастером. Возможно, незавершенность композиции как-то связана с целевым (погребальным) назначением предмета, а может быть, в могилу было положено бракованное изделие.

Стилистически изобразительный прием, основанный на симметричном противопоставлении двух проекций одного животного, характерен для ранних этапов формирования скифо-сибирского звериного стиля и сохраняется не позднее V в. до н. э. в широком географическом регионе. Высказывалось мнение, что в таких случаях мы имеем дело не с двумя животными, а с одним, одновременно показанным с двух сторон³.

Найти полную аналогию навершию очень сложно. Одна из причин этого — «демократичность» такого материала, как кость, использованного древним мастером. По сравнению с металлом кость предоставляет художнику значительно большую свободу как в замысле, так и в его практическом воплощении. Здесь каждая вещь по форме оригинальна и неповторима⁴.

В специальной литературе выделяют две основные стадии развития скифо-сибирского звериного стиля. Временная граница между ними проходит где-то в V—IV вв. до н. э. Первый, ранний этап, — VII—VI вв. до н. э. — характеризуется реалистичностью и в этом смысле строгостью изображений. Стремление к орнаментике отсутствует. Судя по инвентарю из восточноевропейских могильников, наиболее распространенным материалом были кость и, вероятно, дерево, редко сохраняющиеся до нашего времени. На протяжении второго, более позднего этапа картина меняется. Изделия из кости постепенно отходят на второй план, стиль изображения животных становится схематичнее, зато чуть ли не главное место отводится орнаментике⁵.

Характерные признаки сакарчагинского навершия позволяют предположить, что оно относится к раннему этапу развития звериного стиля.

Для уточнения датировки попытаемся найти ему типологические аналогии. М. П. Грязнов опубликовал изображение кабанов на оленем камне из кургана Аржан в Туве. В правом нижнем углу развертки цилиндрической стелы помещаются две фигурки кабанов, обращенных мор-

³ Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М.: Искусство, 1976, с. 31.

⁴ Подобная точка зрения уже высказывалась археологами, см.: Шкурко А. И. О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии. — В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976.

⁵ Шкурко А. И. Указ. раб., с. 48.

дами друг к другу⁶. Сходство этих фигур с сакарчагинскими неоспоримо. Характерна поза животных — низкий наклон головы, упор туловища на передние конечности. Аналогично воспроизведение силуэта фигур с подчеркнута сильной холкой, развитыми бедренными частями задних конечностей, коротким свисающим хвостом, копытами, остриями направленными вниз. Последняя деталь особенно характерна — кабан как бы поставлен «на цыпочки». М. П. Грязнов датирует находку VIII—VII вв. до н. э., но вопрос этот еще дискутируется.

Известны фигурки кабанов из Чиликтинского кургана (Восточный Казахстан), вырезанные из золотой фольги. Они датируются С. С. Черниковым рубежом VII—VI вв. до н. э.⁷ И здесь характерны копыта, опущенные остриями вниз.

Аналогичная фигурка кабана выгравирована на серебряном зеркале из Келермесского кургана (Причерноморье)⁸.

Н. Л. Членова⁹ и М. Д. Хлобыстина¹⁰ по-разному подходят к вопросу об истоках скифо-сибирского звериного стиля, но обе относят изображения животных, стоящих на кончиках копыт, к наиболее ранним стилистическим вариантам, причем М. Д. Хлобыстина видит в таких изображениях имитацию позы жертвенного животного.

Анализ сакарчагинского изображения дает основание предположить, что оно выполнено не позднее VI в. до н. э. Это верхняя его дата, которой, надо сказать, не противоречит весь комплекс вещевого инвентаря из курганной группы; нижней же датой вероятнее всего следует считать VII в. до н. э.

На поверхности навершия кроме фигур животных есть еще три знака (см. рис. 3). Ближайшие графические аналогии им известны по раскопкам Иссыкского кургана в Казахстане¹¹.

Завершая анализ навершия, отметим, что в древнем Иране в образе кабана часто выступал бог войны¹². Логично предположить, что данный предмет был положен в могилу воина.

Таким образом, датировка могильника архаическим временем подтверждается и особенностями погребального обряда (коллективные трупосождения и полускорченные трупоположения на горизонте), и составом сопровождающего инвентаря (прежде всего сосуд с характерным подкосом и навершие с изображением в традициях звериного стиля). Для более полного обоснования этого вывода следует определить место могильника Сакар-чага 3 в кругу других памятников Присарыкамышской дельты.

Синхронные археологические материалы из Присарыкамышья

Детальный анализ курганов и поселений этого района Хорезма выполнен Б. И. Вайнберг¹³. В результате исследования поселений и могильников эпохи раннего железа ею была выделена куюсайская культура

⁶ Грязнов М. П. Аржан. Л.: Наука, 1980, с. 43.

⁷ Черников С. С. Загадка Золотого кургана. М.: Наука, 1965, с. 65.

⁸ Максимова М. И. Серебряное зеркало из Келермеса. — Сов. археология, 1954, т. XXI.

⁹ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967, с. 125.

¹⁰ Хлобыстина М. Д. Многофигурные изображения в зверином стиле. — В кн.: Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974, с. 63.

¹¹ Акишев К. А. Курганы Иссык. М.: Искусство, 1978, с. 54, 55.

¹² Брагинский И. С. Из истории таджикской народной поэзии. М.: Изд-во АН СССР, 1956, с. 36, сл.; Борисов А. Я., Луконин В. Г. Сасанидские геммы. Л.: Искусство, 1963, с. 34; Мифы народов мира, т. I. М.: Сов. энциклопедия, 1980, с. 233.

¹³ Вайнберг Б. И. Памятники куюсайской культуры. — В кн.: Кочевники на границах Хорезма (Тр. Хорезмской экспедиции, т. XI). М.: Наука, 1979; *ее же*. Курганные могильники Северной Туркмении (Присарыкамышская дельта Амударьи). — Там же; *ее же*. Скотоводческие племена в древнем Хорезме. — В кн.: Культура и искусство древнего Хорезма. М.: Наука, 1981.

древнего Хорезма¹⁴. Наиболее ранние памятники этой культуры — поселение Куясай 2, могильник Тумек-кичиджик (VII—VI вв. до н. э.) и могильник Тарым-кая I (VI—V вв. до н. э.).

В материалах поселения Куясай 2 хорошо представлена, в частности, керамика, выполненная на гончарном круге, типа Яз-депе II, конические глиняные пряслица, аналогичные найденному в Сакар-чаге, лепные закрытые чаши, идентичные одному из сосудов сакарчагинского могильника (курган 7). Характерны для куясайских погребений и каменные терочки¹⁵.

Параллели между сакарчагинским и куясайскими могильниками прослеживаются не только по составу сопровождающего инвентаря, но и по другим особенностям погребений. В частности, и там и здесь зафиксированы погребения с трупосожжениями на горизонте. В курганах этого типа встречены и зернотерки¹⁶. В могильнике Тарым-кая I, в группе, датированной Б. И. Вайнберг VI—V вв. до н. э., раскопаны и коллективные, относительно разновременные захоронения. Обнаружены здесь и скорченные костяки на правом боку, и характерный куясайский вещевой комплекс¹⁷. Наконец, в насыпях курганов с трупосожжениями и трупоположениями часто встречаются скопления камней или остатки разрушенных каменных выкладок, но отсутствуют кольцевые насыпи вокруг захоронений¹⁸. Таким образом, сакарчагинские материалы находят аналогии в памятниках куясайской культуры, в том числе и тех, которые существовали вплоть до V в. до н. э. Думается, однако, что для могильника Сакар-чага 3 верхней датой может быть начало — середина VI в. до н. э. Сакарчагинский сосуд с подкосом должен датироваться докюзелигырским временем, т. е. раньше VI в. до н. э. Следует также учесть, что в могильнике Сакар-чага 5 в сходных по конструкции курганах найдены две бронзовые стрелы — обе черешковые, двух- и трехлопастная, которые датируются обычно VII — не позднее VI в. до н. э. Не вступая здесь в дискуссию относительно происхождения куясайской культуры¹⁹, отмечу все же, что с учетом приведенных аналогий находка предмета с изображением в классических традициях звериного стиля в архаическом комплексе Присарыкамышья может свидетельствовать в пользу первоначального предположения Б. И. Вайнберг о принадлежности куясайской культуры «к кругу сакских (в широком смысле этого слова)»²⁰. В связи с обсуждением этих конкретных этноисторических проблем возрастает значение антропологического материала из куясайских могильников.

Краниологические материалы из могильника Сакар-чага 3 и некоторые вопросы этногенеза

В результате раскопок могильника удалось получить шесть черепов различной сохранности — три мужских и три женских.

Два женских черепа уцелели во фрагментарном состоянии в курганах с трупосожжением (курган 1, скелет 1 и курган 2, скелет 2), а один извлечен из развала костей в кургане 7 (рис. 4—6).

Мужские черепа (рис. 7, 8) можно смело включить в одну серию, поскольку они происходят из одного кургана и есть основания предполагать, что между захоронениями не было значительного временного разрыва. Женские черепа обнаруживают сходство по основным краниомет-

¹⁴ Вайнберг Б. И. Новая культура раннего железного века в Северной Туркмении. — АО 1971 г. М.: Наука, 1972; *ее же*. Куясайская культура раннего железного века в Присарыкамышской дельте Амударьи. — В кн.: Успехи среднеазиатской археологии, вып. 3. Ташкент: Фан, 1975.

¹⁵ Вайнберг Б. И. Памятники куясайской культуры, с. 11, 15, табл. VIII.

¹⁶ Там же, с. 28.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, с. 39.

¹⁹ См., например: Итина М. А. От редактора. — В кн.: Кочевники на границах Хорезма.

²⁰ Вайнберг Б. И. Куясайская культура..., с. 48.

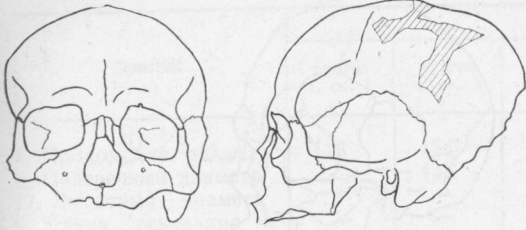

Рис. 4. Женский череп (фас и профиль) из кургана 1, скелет 1

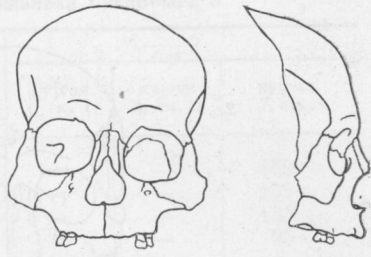

Рис. 5. Женский череп (фас и профиль) из кургана 1, скелет 2

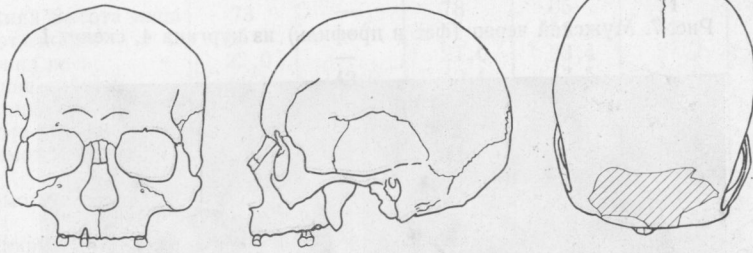

Рис. 6. Женский череп (фас, профиль, вид сверху) из кургана 7, скелет 1

рическим показателям. Предполагаемая синхронность погребений также позволяет объединить их в одну серию (табл. 1 и 2).

Исходя из средних показателей, черепа мужской серии характеризуются брахикранией при малом продольном и большом поперечном диаметрах черепной коробки; лоб широкий с сильно развитым надпереносьем и хорошо выраженными надбровными дугами. Лицо высокое, умеренно гиперморфное. Глазницы широкие, по высоте средние, нос высокий, умеренной ширины, хорошо профилированный. Угол носа — на границе средних и больших величин. Средние значения назомаллярного и зигомаксиллярного углов свидетельствуют о достаточной профилированности лицевого скелета в горизонтальной плоскости.

Женские черепа мезокраничные, с тенденцией к брахикрании при малом продольном и среднем поперечном диаметрах черепа. Свод черепа очень высокий. Лоб широкий со слабо выраженным рельефом в области надбровья. Лицо средней высоты, но весьма широкое. Отмечается уплощенность лицевого скелета в горизонтальной плоскости на обоих уровнях. Нос средней высоты с достаточно рельефно выраженным переносьем. Угол носа — на границе средних и больших величин. Глазницы очень широкие при средней высоте.

Простое сопоставление средних величин краниометрических признаков у мужчин и женщин позволяет предположить нарушение полового диморфизма в серии. С учетом стандартных соотношений коэффициентов полового диморфизма²¹ оказывается, что женщины из Сакар-чага 3 отличаются более широким, чем у мужчин, лицом в сочетании с ослабленной в целом профилировкой лицевого скелета. Такая комбинация признаков может свидетельствовать о наличии, во всяком случае в женской серии, монголоидной примеси (у одного из черепов угол выступания носа — 18° , зигомаксиллярный угол — 139°). Впрочем, на одном из мужских черепов фиксируется лопатообразность верхних резцов в сочетании с краудингом — одонтологические признаки, характерные прежде всего для представителей большой монголоидной расы²².

²¹ Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. М.: Наука, 1964.

²² Zubov A. A. Этническая одонтология. М.: Наука, 1973.

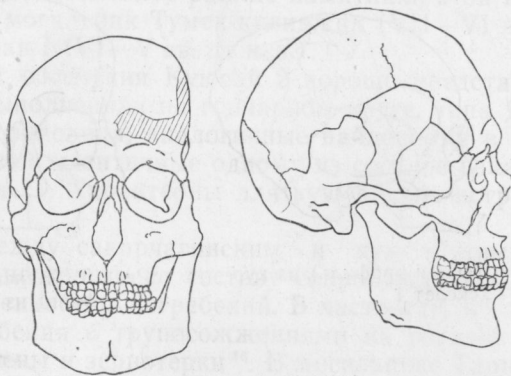

Рис. 7. Мужской череп (фас и профиль) из кургана 4, скелет 1

Рис. 8. Погребенный из кургана 4, скелет 1. Скульптурная реконструкция лица по черепу (работа автора). Головной убор реконструирован по рисункам С. М. Колякова

Небольшая численность и неудовлетворительная сохранность черепов делают предположительным наш вывод о наличии монголоидной примеси.

Заметим, однако, что выраженная монголоидная примесь отмечалась ранее на черепах сакского времени из юго-восточного Приаралья и Казахстана²³. Ее происхождение В. В. Гинзбург и Т. А. Трофимова объясняли смешением двух антропологических компонентов — европеоидного (андроновского) и монголоидного, имеющего центральноазиатское происхождение²⁴, а Г. Ф. Дебец (на других материалах) — цепью брачных контактов²⁵.

Впрочем, проблемы этногенеза древнего скотоводческого населения степной полосы Средней Азии отнюдь не сводятся лишь к выявлению доли монголоидного компонента в той или иной группе племен сакской культурной области. Не меньшее значение имеют выводы, касающиеся антропологической неоднородности этого населения в целом.

Такая неоднородность была показана Т. А. Трофимовой при сравнении краниологических серий раннесакского времени из Левобережного

²³ Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984, с. 54.

²⁴ Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972, с. 118, 119.

²⁵ Дебец Г. Ф. О физических типах людей скифского времени. — В кн.: Проблемы скифской археологии (МИА, № 177), М.: Наука, 1971, с. 7.

Таблица 1

Индивидуальные измерения черепов из могильника Сакар-чага 3

Признак	♂			♀		
	курган 4, ск. 1	курган 4, ск. 3	курган 4, ск. 4	курган 1, ск. 1	курган 2, ск. 2	курган 7, ск. 1
1. Продольный диаметр	173	174	182	—	—	169
8. Поперечный диаметр	—	148	144	—	—	135
17. Высотный диаметр	—	—	—	—	—	133
5. Длина основания черепа	—	—	—	—	—	95
9. Наименьшая ширина лба	94	101	108	101	100	99
45. Скуловой диаметр	130	—	—	133	134	131
40. Длина основания лица	—	—	—	—	—	92
48. Верхняя высота лица	73	—	78	65	71	68
55. Высота носа	55	—	57	51	51	49
54. Ширина носа	22,0	—	27,0	23,4	27,2	25,6
51. Ширина орбиты	41,2	42,0	43,1	43,5	43,0	47,0
51a. Ширина орбиты от d	41,2	—	41,2	41,7	41,4	41,1
52. Высота орбиты	35,7	30,0	37,7	32,4	34,4	34,7
SS. Симотическая ширина	8,8	—	12,8	9,0	11,1	8,5
SS. Симотическая высота	5,9	—	4,6	4,1	4,7	5,0
DS. Дакриальная ширина	17,3	—	—	24,7	20,9	18,7
DS. Дакриальная высота	11,8	—	—	11,5	10,9	9,2
FS. Глубина клыковой ямки	4,6	—	2,4	4,2	6,4	4,1
77. Назомалярный угол	141,0	148,7	133,3	139,2	144,4	156,0
∠zm' Зигомаксиллярный угол	119,3	—	—	127,4	139,0	128,1
75/1/. Угол выступания носа	30	—	26	31	18	26

Таблица 2

Средние показатели краниологической серии из могильника Сакар-чага 3

Признак	♂	♀
1. Продольный диаметр	176,3 (3)	169 (1)
8. Поперечный диаметр	146,0 (2)	135 (1)
17. Высотный диаметр	—	133 (1)
5. Длина основания черепа	—	95 (1)
9. Наименьшая ширина лба	101 (3)	100 (3)
45. Скуловой диаметр	130 (1)	132,7 (3)
48. Верхняя высота лица	75,5 (2)	68,0 (3)
55. Высота носа	56,0 (2)	50,3 (3)
54. Ширина носа	24,5 (2)	25,4 (3)
51. Ширина орбиты	43,1 (3)	44,5 (3)
51a. Ширина орбиты от d	41,2 (2)	41,4 (3)
52. Высота орбиты	34,5 (3)	33,8 (3)
SS. Симотическая высота	5,2 (2)	4,6 (3)
MS. Максиллофронтальная высота	8,6 (2)	6,2 (3)
DS. Дакриальная высота	11,8 (1)	10,5 (3)
FS. Глубина клыковой ямки	3,5 (2)	4,9 (3)
77. Назомалярный угол	140,7 (3)	146,6 (3)
∠zm' Зигомаксиллярный угол	119,3 (1)	131,3 (3)
75/1/. Угол выступания носа	28,0 (2)	25,0 (3)
8 : 1. Черепной указатель	82,09 (2)	79,88 (3)
9 : 10. Лобный указатель	80,08 (2)	81,60 (3)
48 : 45. Лицевой указатель	56,15 (1)	51,25 (3)
54 : 55. Носовой указатель	43,77 (2)	50,60 (3)
52 : 51. Орбитный указатель	77,79 (3)	76,10 (3)
52 : 51a. Орбитный указатель от d	89,08 (2)	81,70 (3)
SS : SC. Симотический указатель	51,49 (2)	48,91 (3)
DS : DC. Дакриальный указатель	68,21 (1)	49,30 (3)

* В скобках указано число черепов.

население, оставившее эти могильники, относилось к матуризованному типу европеоидной расы²⁶. При этом черепа из могильника Тумек-кичиджик отличаются от тарымкаинских и сакарчагинских выраженной долихокранией, сочетающейся с очень большим углом выступления носовых костей. По этим признакам они сближаются с черепами саков восточного Памира²⁷, антропологический тип которых уникален на фоне достаточно однородного сакского краниологического комплекса Средней Азии и Казахстана, характеризующегося брахикранией и широколицестью в сочетании с несколько уплощенным лицевым скелетом и средне выступающими носовыми костями²⁸.

Наши материалы, пока немногочисленные, могут свидетельствовать об антропологической неоднородности населения, проживавшего на небольшой территории, ограниченной радиусом около 25 км. Этим населением оставлены могильники различных типов, но со сходным инвентарем. Синкретичность погребального обряда, с одной стороны, и гетерогенность населения — с другой, свидетельствуют о сложной этнической ситуации, характеристика которой требует комплексных исследований.

Этническая проблематика, по мнению Ю. В. Бромлей, далеко не исчерпывается собственно этнографией. Эта проблематика находится в поле зрения, в частности, археологов и палеоантропологов²⁹. Не раз отмечалось, что результативность разработки конкретных этногенетических проблем повышалась при использовании данных смежных наук.

Трудности, связанные с изучением этногенетических процессов скотоводческого населения Левобережного Хорезма раннесакского времени, усугубляются двумя основными причинами: 1) район Присарыкамышья после неолитического времени не был заселен в силу сложившихся здесь неблагоприятных экологических условий и в раннем железном веке осваивался заново коллективами людей, имеющими предположительно разное генетическое и этнокультурное происхождение; 2) археологические и особенно палеоантропологические данные фрагментарны.

В результате исследования могильника Сакар-чага 3 границы сакской этнокультурной области раздвинулись в западном направлении и вплотную приблизились к Каспию. Археологические материалы, полученные в ходе раскопок, обнаруживают четкие параллели в нижнесырдарьинском могильнике Уйгарак и демонстрируют тем самым восточное направление культурных связей присарыкамышского населения. Комплекс антропологических признаков вполне сопоставим с зафиксированным на обширной территории степной полосы Средней Азии и Казахстана.

Вместе с тем, в курганах Присарыкамышья раннесакского времени обнаруживаются находки, имеющие прямые аналогии в Маргиане и древнем Дахистане. Это позволяет предполагать наличие и южного направления культурных связей, что, в свою очередь, не исключает возможности проникновения в степную полосу отдельных групп населения из южных областей Средней Азии. Весьма вероятно, что с одной из таких групп связано происхождение могильника Тумек-кичиджик.

Эти предположения, разумеется, требуют дальнейшего обоснования с привлечением новых материалов и новых методических приемов их анализа. Можно констатировать все же, что полученные данные хорошо согласуются с выводами В. П. Алексеева и И. И. Гохмана, писавшими (на основании изучения сводки краниологических материалов сакского времени) о восточном импульсе в процессе заселения степной полосы Средней Азии и об одновременных генетических контактах с югом, которые в конечном счете привели к распространению на этой территории южноевропеоидных средиземноморских антропологических комплексов³⁰.

²⁶ Трофимова Т. А. Черепа из погребений куюсайской культуры в могильниках Тумек-кичиджик и Тарым-кая. — В кн.: Кочевники на границах Хорезма.

²⁷ Гинзбург В. В. Антропологическая характеристика саков Южного Памира. — Кр. сообщ. Ин-та истории материальной культуры, вып. 80, М., 1960.

²⁸ Алексеев В. П., Гохман И. И. Указ. раб., с. 54.

²⁹ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983, с. 5.

³⁰ Алексеев В. П., Гохман И. И. Указ. раб., с. 70—71.